

УДК 321

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-45-52

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

STATEHOOD AND CLASS STRUCTURE OF A MODERN SOCIETY

*А. М. Колядин, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, г. Москва
andy@list.ru*

*A. Kolyadin, Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
Moscow*

Анализируется классовая структура современного общества. Рассматривается феномен формирования нового класса, связанного с существенным расширением сферы услуг, приводятся признаки этого класса, его ценности и особенности организации. Отмечается, что новый класс демонстрирует собственные цели и интересы, является носителем социальной активности, создателем инноваций в экономике, политике, культуре, коммуникациях

Ключевые слова: *классовая структура; государственность; информационное общество; собственность; общественное производство; социальный статус; суперкреативное ядро; индустриальное общество; креативный класс; новый класс; современное общество*

The class structure of a modern society is analyzed. The phenomenon of formation of a new class connected with essential expansion of services sphere is considered; the signs of this class, its value and feature of the organization are given. It is noticed, that the new class shows own purposes and interests and is a carrier of social activity, founder of innovations in economy, politics, culture, communications

Key words: *class structure; statehood; information society; ownership; social production; social status; super creative main body; industrial society, creative class, new class, modern society*

В контексте рассмотренной нами ранее классовой модели (см. "Вестник ЗабГУ", Т. 23. № 3. С. 53–60) имеет смысл оценивать классовую структуру современного общества. Но при этом следует учитывать влияние ряда факторов, существенным образом затеняющих картину, и в первую очередь это противоречие между глобальным характером экономики и локальной экономикой, являющейся, как правило, объектом социологического анализа, ограничивающимся национальными рамками. Попытки провести анализ в масштабах всего человеческого сообщества, мировой социальной структуры, подобные, напри-

мер, экспериментам М. Кастельса, по объективным причинам чрезвычайно сложны и крайне редки [8]. Тут дело осложняет и масштаб изучаемых явлений, и отсутствие методологий, подходящих для учета положения социальных групп, близких по генезису и локусу, разделенных, однако, национальными границами и национальными условиями [9; 11; 12; 13]. Поэтому, например, раздувшаяся сфера услуг, типичная для богатых метрополий, получающих доходы от эксплуатации периферии (в Англии в 1850 г. такой вид занятости, как «прислуга» был вторым по численности, уступая только сельским работникам и

опережая промышленных рабочих), часто объявляется не следствием привилегированного положения западных стран в глобальной системе разделения труда, а имманентным свойством социальной структуры будущего. Сам новый класс, вне строгих представлений о сути разделения труда, в представлениях западных ученых имеет крайне нечеткие границы, куда относят и социальные группы — представителей укладов, уходящих в прошлое, и названный сектор услуг, который также не имеет строгих критериев, ибо к нему относят и парикмахера, и финансиста, предоставляющего «финансовые услуги», и специфические социальные коллективы, вызванные к жизни кризисным состоянием капиталистического мироустройства, как, например, так называемый креативный класс.

Формирование нового класса связано, прежде всего, с изменением доминанты производственного процесса, суть которого в нынешней экономике фактически сводилась к получению денежной прибыли. Теперь цели и мотивы производства становятся другими. Так, увеличение доли капитала в национальном доходе и рост производительности в компаниях при снижающейся оплате труда свидетельствуют, на взгляд В. Л. Иноземцева, о том, что принципы организации индустриального общества прекращают действовать. Р. Флорида отмечал, что раньше ведущей силой экономического развития «были компании и предприятия, и города определяли свой статус по количеству расположенных на их территории головных офисов корпораций», теперь этой ведущей силой стала способность руководства городов создать креативную экономику. А. Бард и Я. Зодерквист уверяют, что уже в недалеком будущем «каждая успешная в этом отношении персона или организация будет осаждаваться бесчисленными инвесторами, охотящимися за информацией, которые будут готовы, стоя на коленях, умолять разрешить им инвестировать их капиталы в деятельность, которую они даже до конца не понимают, и они будут просто вынуждены приспособливаться к разнообразным нетократическим прихо-

дам» [8. С. 208]. Особенности современного производственного процесса культивируют особые черты у его участников.

Первый, основной признак представителей нового класса — высокий уровень образования, оказывающийся значительно выше характерного для большинства граждан, составляющих совокупную рабочую силу. В людях все более ценится квалификация, профессиональные знания и навыки, умение правильно их применять. По показателю этого капитала «образованности» «многие представители рабочего или обслуживающего класса могут найти себе место в креативном классе и даже в его суперкреативном ядре». Высокие требования на производстве, в науке и технологиях к уровню образования приводят к росту стандартов знания, поэтому границы нового класса «никогда не могут расширяться до масштабов общества в целом» [7].

Характерно, что еще естественно-органическая школа происхождения классов выделяла в высший класс ученых, чиновников высокого ранга и других выдающихся лиц, получивших академическое образование [10. С. 169].

Второй признак — самостоятельная ведущая роль нового класса в современном производственном процессе. Согласно Р. Флориде, к суперкреативному ядру относятся профессионалы в области программирования и математики, естественных и социальных наук, образования и воспитания, дизайна и СМИ, а к «креативным профессионалам» — управленческие и руководящие кадры, специалисты в области бизнеса и финансов, права и т.д. Любая передовая отрасль хозяйства страны не может обойтись без такого рода профессионалов в ключевых технологических операциях [4].

В. Л. Иноземцев утверждает, что новый высший класс постиндустриального общества «как никогда прежде является трудящимся классом». Все упомянутые авторы отмечают востребованность его представителей в экономике, а американский профессор — как следствие этого — свободные отношения с работодателями. Члены нового класса могут позволить себе рабо-

тать дома, выполнять только те виды работ, которые им нравятся, и сами устанавливать себе рабочие часы. Правда, за подобную свободу приходится платить потерей заработка — подходящую работу найти нелегко, и она не обязательно хорошо оплачивается [14. С. 127]. Труд и человеческий капитал становятся непосредственной производительной силой.

Третий признак нового класса — экономическая независимость от средств производства работодателя, свобода выбора предметов и средств труда в изготовлении конечного продукта.

У интеллектуалов наличествует личная собственность на средства производства (оргтехника и компьютер с программным обеспечением, средства коммуникации). Дорогостоящее исследовательское оборудование можно брать в кредит.

«Члены креативного класса обычно не владеют какой-либо существенной собственностью в материальном смысле, — свидетельствует Флорида. — Их собственность, проистекающая из творческих способностей, не имеет физической формы, поскольку располагается буквально у них в мозгу». Все участники производства имеют доступ ко всей необходимой информации в конкретной нетократической сети и могут внести свой вклад в трудовой процесс, при этом каждый имеет возможность высказать свое мнение и участвовать в принятии решений. Технологическое развитие предоставляет каждому работнику немислимые прежде рычаги влияния относительно его рабочей ситуации [14. С. 196]. В результате работник более свободен и в меньшей степени отчужден от конечного продукта.

Четвертый признак представителей нового класса — творческий характер и индивидуальные условия работы, особые требования к рабочему пространству [3].

В индустриальную эпоху этому фактору отводился минимум внимания, и в экономические формулы и показатели он не попадал. Типичная трудовая обстановка второй половины XX в.: ряды рабочих столов (или станков, или кульманов) в большом помещении, разделенном на кабинки

(участки, сектора, отделы), способствующие корпоративному образу мышления; местам, не относящимся к производству, отведен минимум пространства.

Современные условия противоположны старым — открытая планировка офисов, высокие потолки; проходы вдоль внешней стены (поскольку «вид на улицу принадлежит всем»); удобно расположенные, хорошо спланированные и оснащенные помещения общего пользования; изобилие мест отдыха и общения; отсутствие лишней вещей, отдельные места для хранения; эстетическая атмосфера, включающая качественный дизайн, яркие цвета; отраженный свет; многочисленные произведения искусства.

Креативная деятельность ведется на проектной основе, а проектам свойственна цикличность. Кроме того, такая работа «требуется гигантской концентрации, поэтому люди нуждаются в свободном времени и гибких условиях, позволяющих им немного расслабиться в течение дня», — считает Р. Флорида. Поэтому компании стремятся создавать рабочие места с «индивидуальной структурой», отвечающей интересам сотрудников [14. С. 145]. В итоге не только работодатель определяет норму необходимого и прибавочного времени, но и сам работник может задавать эти соотношения.

Таким образом, новый класс ориентирован на небывалый, только нарождающийся «информационно-технологический» тип производства, который более сложен и имеет в основе все предшествующие способы [5]. Традиционной индустриально-капиталистической деятельности будет отведена второстепенная роль: «Капиталисты станут низшим классом, занятым возней вокруг устаревшей, второсортной информации», а новый класс будет забирать финансовые доходы, власть, статус и всеобщее внимание [6. С. 202].

В производственном процессе повышается роль разных видов капитала, расширяется понятие «средства производства», постепенно падает значимость индустриальных принципов организации труда.

Вторая группа признаков нового класса объединяется на основе приверженности особой системе ценностей, не соответствующей протестантской этике, характерной для индустриального производства.

В. Л. Иноземцев отмечает у интеллектуалов появление «нематериалистических ценностей» и целей, связанных с самоутверждением личности.

Высокий уровень доходов и социальная защита делают заботу о материальных условиях существования второстепенной. По мнению Р. Флориды, новый класс привержен гедонистичной богемной этике – в удовольствии и счастье; однако, не в «глубокой распушенности и алчных излишествах», а в «принятии и переживании того, что предлагает жизнь». А. Бард и Я. Зодерквист констатируют невозможность фиксировать этот стиль жизни: он всегда будет претерпевать постоянные изменения. Все ранее существующие представления об обычных понятиях и терминах будут пересмотрены в новой общественной парадигме «с изменением технологического и общественного контекста» [6. С. 144].

В новой системе ценностей большое значение будут иметь факторы качества потребления и влияния окружающей среды как стимуляторы творчества, креативности. Поэтому можно выделить характерные черты внутриклассовых ценностных ориентировок, дополняющие выведенные из процесса производства.

Это, прежде всего, высокая мобильность и горизонтальный рынок труда. На смену вертикальной иерархии и традиционному служебному продвижению пришли горизонтальное разделение труда, карьерный рост со сменой компаний.

Лозунг: «плох тот солдат, который не хочет стать генералом» не действует в отношении интеллектуалов. Представители нового класса постоянно меняют места работы в поисках подходящего варианта. «То, насколько выгодны экономические условия, не будет иметь значения: города и регионы будут проигрывать, если не смогут предложить достаточно привлекательный стиль жизни и стимулирующую

культурную среду». Это – принципиальный вопрос нетократической миграции, связанной со стилем жизни, – утверждают А. Бард и Я. Зодерквист. В ходе горизонтальных перемещений представители нового класса особо заботятся о своей репутации и наращивают человеческий капитал, стремясь фактически увеличить ренту с него. В итоге «игровое поле остается горизонтальным, – отмечает Р. Флорида, – и уровень мобильности в нем достаточно высок». А вследствие ослабления вертикали даже «начальство перестало понимать, чем занимаются нижестоящие служащие» [6. С. 138].

Другой признак представителей нового класса – аутентичный отдых как продолжение работы.

Представители нового класса нуждаются в особенном мироощущении для максимально плодотворного труда. Кроме того, творческая практика предполагает в основном умственную деятельность и сидячую работу, поэтому интеллектуалы нуждаются в физических нагрузках, смене обстановки, новых ощущениях. Их отдых отличается от традиционного досуга. Они предпочитают скалолазание, велосипед или занятие бегом вместо просмотра спортивных передач по телевидению; путешествия, которые обеспечивают интеллектуальную или физическую стимуляцию. Они едут в места, не разработанные туристической индустрией, слушают музыку, которую массово не производят фирмы звукозаписи, пользуются веб-сайтами, не содержащими рекламу, потребляют товары и услуги, которые «не упоминаются в медиа» и потому широко не известны. Например, представитель нового класса предпочтет необычные антикварные предметы обстановки или оригинальную мебель в стиле модерн вместо стандартного дивана [6. С. 145–146].

Третий признак в этой группе – открытость новому опыту. Так, Р. Флорида акцентирует внимание на том, чтобы сознание было «открыто», что является предпосылкой конструктивной креативности. В этом случае в человеке не формируются защитные процессы, действительность вос-

принимается свободно, без искажения. Открытость означает «проницаемость границ между концепциями, мнениями, представлениями и гипотезами, а также способность получать какой угодно объем противоречивой информации».

При этом цельность человека не разрушается, считает Р. Флорида. Индивидуальность, своеобразие и самоутверждение, атмосфера терпимости к различиям и оригинальности на рабочих местах — все это способствует формированию свободного восприятия нового опыта. По мнению А. Барда и Я. Зодерквиста, в сети человек окажется в состоянии постоянного становления, исключительной восприимчивости к новым веяниям и постоянной переоценки ценностей (правда, это не касается лиц, занимающих высокие позиции в сетевой иерархии) [6. С. 187, 206]. Открытость поддерживает способность к инновациям на высоком уровне, усиливает конструктивную креативность.

Четвертым признаком является высокая значимость внимания как источника желаний, потребностей, мотиваций и деятельности представителей нового класса.

В современном развитом обществе реализованы основные естественно-физиологические и материальные потребности большей части населения, обеспечивающие его жизнедеятельность. Главным становится вопрос о возможности удовлетворения духовных и искусственных материальных потребностей.

Система ценностей нового класса построена на единстве, взаимозависимости производства и потребления. Пересмотр значений этих двух терминов А. Бард и Я. Зодерквист считают центральным вопросом информационной парадигмы.

Так, согласно буржуазным представлениям, каждый, кто не имеет работы или занят домашними заботами, ничего не достиг в этот день. Его время может быть заполнено практическими делами и социальными контактами или потреблением материальных и духовных благ, но все это не достойно уважения в условиях, когда единственно полезным считается производство товаров

и услуг, и как следствие — добавленной стоимости. Работа является долгом перед обществом, а собственная производительность и полезность — служением другим.

С точки зрения капиталистической парадигмы и протестантской трудовой этики производство является позитивным процессом, а потребление негативно — это уменьшение накопленных благ, расточительная слабость, которую люди могут себе позволить, только что-то при этом производя.

В нынешней ситуации человек все глубже погружается в единый производственно-потребительный процесс, а деятельность на рабочем месте во все большей степени предполагает преобразование информации и усвоение знаний, полученных другими людьми. В результате происходит размывание границ между производительным и непроизводительным трудом, между созидательной деятельностью и досугом. В возникающем едином процессе производство нацелено на потребление, а потребление обеспечивается производительной деятельностью, воспринимаемой в качестве «своеобразного досуга». В информационную эпоху массовое производство товаров и услуг все больше становится делом автоматизированных предприятий, и сама трудовая деятельность (с ее индустриальной мотивацией) уже не является организующим принципом общества.

Можно выделить еще одну, третью группу признаков нового класса, которая связана с системой организации общества и пока не имеет таких четких характеристик, какие отмечены в двух предыдущих группах. Это вызвано не устоявшимся положением нового класса в стратификационной системе.

В работах упомянутых исследователей признаки класса отражают новую структуру социальных отношений, формирующую приемлемое для него коллективное ассоциирование в обществе, в котором он пока воспринимается как чужой. Так, индустриальным «ботанистанам» в стиле Силиконовой долины (это регионы «с быстрым экономическим ростом, но и расползающиеся, загрязненные и с транспортными пробле-

мами») Р. Флорида противопоставляет оазисы расселения нового класса. В последних университеты играют особые роли, «отражающие технологию, талант и толерантность».

В «оазисах» местные власти поддерживают атмосферу креативности, культивируя ее «всевозможными средствами», и стабильность, взяв на себя риск, связанный с переменой жителями места работы.

Такие условия позволяют создать «креативную мешанину, где каждый мог расслабиться и быть самим собой». В. Л. Иноземцев отмечает другую сторону – изменение характера восприятия человеком окружающего мира, отношения к себе и окружающим, потребление большого объема информационных услуг, доминирование внутренних стимулов деятельности.

Если доиндустриальное и индустриальное общества базируются на взаимодействии человека с природой и с преобразованной им природой, то постиндустриальное общество характеризуется взаимодействием между людьми.

«Креативная мешанина» с «возрастающим интеллектуальным капиталом» и «интерактивным обменом многоликих индивидуалов» (пользуясь терминами соответственно Р. Флориды, В. Л. Иноземцева, А. Барда и Я. Зодерквиста) представляет собой подсистему общества более высокого, чем индустриальный, уровня сложности. В ней проявляются новые закономерности.

1. Возникают новые формы группового ассоциирования и общественных структур. Люди креативных профессий предпочитают «гибкие, квазиавтономные сообщества» – сети, к которым можно быстро подключаться, пользоваться их возможностями и расширять круг общения. Социальный статус человека определяется членством в конкретной сети, группе. Статус самих сетей определяется эффективностью работы их профессиональных кураторов – «арбитров вкуса и сетикета». Конкуренция кураторов на сетевом рынке вынуждает их постоянно заниматься рекламой собственной сети и убеждать окружающих в ее превосходстве. Сети-сообщества создают свои влиятельные альянсы, формируя иерархическую

социальную пирамиду. Низшие слои в пирамиде более склонны, чем средние, к материальным ценностям [1; 2].

2. Новый класс приносит в общество свое представление о ценности свободного времени. Переход от индустриального к информационному производству сопровождается сокращением рабочего времени, что позволяет сочетать профессиональный труд, личную жизнь и общественную активность.

Культура в одном из ключевых значений отражает степень организации социума, в ней содержится представление разных слоев об общественно необходимом и о свободном времени. Новый класс уделяет особое внимание поиску «стратегии углубления» свободного времени. В одном варианте она сводится к ускорению темпа деятельности; замене затратной по времени формы досуга на ускоренную; совмещению сразу нескольких занятий; деятельному планированию времени; дроблению времени с целью его контроля и т.д.

С точки зрения нового класса, ценность окружающих людей и общественных организаций в их способности качественно реализовать свободное время, а эффективность государственных структур – в экономии времени.

3. Искажается представление о демократии из-за изменения ее институтов и форм. В политике, например, главным источником власти становится информация, она общедоступна для участия каждого в принятии политических решений. Но возможности ее преобразования и использования как знания сильно разнятся, что вызвано неодинаковыми способностями людей, поэтому в социально-экономической сфере неравенство только усиливается.

Сферы культуры и коммуникаций демонстрируют многообразие и конкуренцию, но из-за большого влияния социально-экономического ресурса демократия доступна только сильным. Наличие интернета возродит прямую форму демократии (люди могут мгновенно высказаться по любой проблеме), тем самым спасет ее от угрозы «порабощения медиатизациями».

4. Растет потребность в новом типе государства. А. Бард и Я. Зодерквист отмечают поражение существующего государства от СМИ — первой, но не последней, созданной нетократами сети. Кульминацией станет «полнейшая беспомощность политиков» и диктатура медиа-империй. Вдобавок интернет «покончит с существованием избранных-посредников» и сделает ненужным парламент — традиционный элемент государства. Все это даст дорогу борьбе между заинтересованными группами за право определять допустимые нормы и практики: то, что государство считает неэтичным сегодня, без него «завтра будет принято повсеместно». По мнению А. Барда и Я. Зодерквиста, в подтверждение такого исхода обнаруживается, что представители нового класса уже не нуждаются в существующем государстве.

Современные технологии позволяют им уклоняться от уплаты налогов, частное страхование сполна обеспечивает медицинское обслуживание, частные школы — обучение детей, а частные охранники — защиту частных владений.

Авторы отмечают, кроме того, враждебность государства с его традиционным рыночным подходом к любой «активности за пределами экономического сектора» (к домашней работе, различным формам общественной деятельности) из-за сложности контроля и налогообложения. Статус человеку дает не задача, а форма ее реализации. Например, когда родители присматривают вместо своих собственных за чужими детьми, их работа облагается налогами и включается в государственную статистику, в итоге появляется «экономический рост» [6. С. 71–77].

Список литературы

1. Абезгильдин Р. Р. Политические сети в современном мироустройстве // Мир политики и социологии. 2016. № 5. С. 124–132.
2. Абезгильдин Р. Р. Политические сети и роль информационных ресурсов в процессе их образования и развития // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 109–116.
3. Алтынкович Е. Е. Общество сетевых структур и «отчуждение» личности // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 185–194.
4. Алтынкович Е. Е. Личность в условиях «множественной идентичности» // Правовое поле современной экономики. 2016. № 3. С. 171–184.
5. Алтынкович Е. Е. Современные концепции информационного общества: философско-антропологические основания возникновения // Мир политики и социологии. 2016. № 5. С. 133–140.

Таким образом, традиционное государство все более теряет доверие общества и не имеет рычагов воздействия на новый класс.

Авторы приведенных исследований сосредоточили внимание на разных аспектах проявления нового класса. Мы попытались обобщить их представления и сделать некоторые выводы.

Новый класс демонстрирует собственные цели и интересы, является носителем социальной активности, создателем инноваций в экономике, политике, культуре, коммуникациях. Он формирует собственное видение будущего, идеологию и организацию информационного общества и становится основным субъектом политики, субъектом истории. Другие существующие сейчас классы в состоянии лишь играть политические роли индустриальной эпохи. Так было во времена падения античности, когда рабы устраивали большие восстания (или в эпоху позднего средневековья, когда бунтовали крестьяне), но эти бунты не могли изменить сложившийся миропорядок. Только представители новых классов в лице феодалов или, затем, буржуа-предпринимателей, живших по принципам новой эпохи, оказались теми субъектами политики, которые выводили общество из-под угрозы упадка и исчезновения. Такая же роль сейчас отводится новому классу.

Этот класс возрождает аристотелевское положение *homo politicus* в царстве политики. В нем граждане участвовали в обсуждении общественных дел без насилия или принуждения со стороны государства, выражали собственные мнения, обозначая свою индивидуальность и публично заявляя о совершенстве своей персоны.

6. Бард А., Зодерквист Я. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
7. Иноземцев В. Л. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 69–70.
8. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
9. Сальников В. П., Степашин С. В., Хабибулин А. Г. *Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ*. СПб.: Фонд «Университет», 2001. 208 с. (Сер. Безопасность человека и общества).
10. Солнцев С. И. *Общественные классы*. М.: Астрель, 2008.
11. Тихомиров Ю. А. *Государственность: крах или воскрешение* // Государство и право. 1992. № 9. С. 11–19.
12. Тихомиров Ю. А. *Государство на рубеже столетий* // Государство и право. 1997. № 2. С. 24–32.
13. Тихомиров Ю. А. *О модернизации государства* // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 3–16.
14. Флорида Р. *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Классика XXI, 2007.

References

1. Abezgildin R. R. *Mir politiki i sotsiologii* (World of politics and sociology), 2016, no. 5, pp. 124–132.
2. Abezgildin R. R. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost* (Law science: history and modernity), 2016, no. 3, pp. 109–116.
3. Altynkovich E. E. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost* (Law Science: history and modernity), 2016, no. 5, pp. 185–194.
4. Altynkovich E. E. *Pravovoe pole sovremennoy ekonomiki* (Legal field of modern economy), 2016, no. 3, pp. 171–184.
5. Altynkovich E. E. *Mir politiki i sotsiologii* (The world of politics and sociology), 2016, no. 5, pp. 133–140.
6. Bard A., Zoderquist Ya. *Netokratiya. Novaya pravayshaya elita i zhizn posle kapitalizma* [Netocracy. New ruling elite and life after capitalism]. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2004. 252 p.
7. Inozemtsev V. L. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Researches), 2000, no. 6, pp. 69–70.
8. Castells M. *Informatsionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [Information Age: Economics, Society and Culture]. Moscow: State University Higher School of Economics, 2000. 608 p.
9. Salnikov V. P., Stepashin S. V., Khabibulin A. G. *Gosudarstvennost kak fenomen i obekt tipologii: teoretiko-metodologicheskij analiz* (Statehood as a phenomenon and object of typology: theoretical and methodological analysis). St. Petersburg: Fund «University», 2001. Ser. Safety of man and society. 208 p.
10. Solntsev S. I. *Obshchestvennyye klassy* [Public classes]. Moscow: Astrel, 2008.
11. Tikhomirov Yu. A. *Gosudarstvo i pravo* (State and Law), 1992, no. 9, pp. 11–19.
12. Tikhomirov Yu. A. *Gosudarstvo i pravo* (State and Law), 1997, no. 2, pp. 24–32.
13. Tikhomirov Yu. A. *Zhurnal rossiyskogo prava* (Journal of Russian Law), 2004, no. 4, pp. 3–16.
14. Florida R. *Kreativny klass: lyudi, kotorye menayut budushhee* [Creative class: people who change the future]. Moscow: Classics XXI, 2007.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Колядин Андрей Михайлович, канд. полит. наук, докторант, кафедра «Российская политика», Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия. Область научных интересов: классовая структура общества
andy@list.ru

Andrey Kolyadin, candidate of political sciences, doctoral candidate, Russian Policy department, Moscow State University named after V. M. Lomonosov, Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: class structure of society

Образец цитирования

Колядин А. М. *Государственность и классовая структура современного общества* // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 4. С. 45–52. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-45-52.

Kolyadin A. *Statehood and class structure of a modern society* // Transbaikalian State University Journal, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 45–52. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-4-45-52.

Дата поступления статьи: 14.03.2017 г.
Дата опубликования статьи: 28.04.2017 г.